

ЧАСТЬ I

Август 1939 года

1

Рейчел Крамер швырнула льняную салфетку поверх утренней газеты с кричащим заголовком: «Ученый из лаборатории в Колд-Спринг-Харборе вступил в сговор с Гитлером». Взглянув на отца, вошедшего в совмещенную с кухней столовую, девушка попыталась невинно улыбнуться.

— Можешь не прятать! — Его покрасневшие глаза, в которых читался мягкий укор, открыто взглянули на Рейчел. Отец устроился на своем месте во главе полированного массивного стола красного дерева. — Мне уже звонили из Института.

Рейчел посмотрела на бесстрастное лицо слуги, наливавшего ее отцу кофе, и лишь потом осторожно сказала:

— Разумеется, это неправда.

— Сговор с фюрером? Ты веришь бредням этого писаки Янга? — усмехнулся он. — Брось, Рейчел... — Отец рывком достал салфетку из кольца. — Ты же меня знаешь.

— Разумеется, папа. Но я должна понять...

— Именно поэтому нам необходимо уехать. Сама увидишь: иностранные журналисты все преувеличивают — лишь бы продать газеты в Америке, не думая о том, что своими заявлениями они ставят под угрозу международные отношения и пятнают репутацию тех, кто занимается важным делом.

Хотя Рейчел и была неопытной, как всякая девушка, недавно окончившая университет, но провести ее не удалось.

— В статье также утверждается, что Гитлер обвиняет поляков в том, будто они подрывают мир в Европе — стремятся развязать войну; словом, ищет повод, чтобы оправдать свое вторжение. Если

все это правда, если Гитлер в самом деле нападет на Польшу — этому человеку нельзя доверять, отец. А если этот журналист прав, люди ему поверят...

— Люди поверят в то, во что хотят верить — в то, во что им выгодно верить. — Профессор рывком встал из-за стола, продолжая сжимать в руке треугольный тост. — Не обращай внимания на грязные газетенки. Уверен, герр Гитлер знает, что делает. С минуты на минуту подъедет машина. Ты готова?

— Отец, ни один здравомыслящий человек не поедет сейчас в Германию. Американцы бегут оттуда.

— Уверяю тебя — я в здравом уме и твердой памяти. — Профессор остановился и, что было ему совершенно несвойственно, погладил дочь по щеке. — Ты достойна самой лучшей судьбы. — Он поправил идеально накрахмаленные манжеты. — И запомни, Рейчел: следует говорить «герр Гитлер». Немцы не прощают непочтительности.

— Да, отец, но мы с тобой... мы же должны понимать...

Профессор уже пересек комнату, жестом приказал, чтобы подали пальто.

— Джеффрис, поторопи водителя. Нельзя опаздывать на самолет. Рейчел, где твои вещи?

Девушка неторопливо сложила салфетку, пытаясь унять негодование... только на время этой поездки... *«Пока я не заставлю тебя понять, что это моя последняя поездка во Франкфурт... в Германию... и что наши отношения коренным образом изменятся... как только мы вернемся в Нью-Йорк».*

* * *

Через два дня Рейчел уже натягивала белые летние перчатки, как будто стремясь установить некий барьер между собой и немецким городом, который когда-то был ей хорошо знаком. Прошло пять лет с тех пор, как она в последний раз ездила по широким и чистым проспектам Франкфурта. Средневековые остроконечные башни и живописная геометрическая кирпичная кладка ничуть не изменились. Но ветвистые липы, которые возвышались вдоль главной улицы и были основным ее украшением, срубили, а их место заняли стальные столбы с шестиметровыми алыми флагами, на которых была изображена черная свастика в белом кругу. «Эбонитовые пауки подохнут от зависти».

— Не стоит раздражаться. Это ненадолго. Скоро обследование закончится. Ты пропустила предыдущий сеанс, поэтому не ропщи из-за того, что этот продлится чуть дольше. — Отец, чьи волосы, казалось, редели с каждой минутой, рассеянно улыбнулся, облизал губы. — Наш поезд в семь, — пробормотал он, выглядывая в окно. — Не будем задерживаться.

Рейчел старалась унять дрожь в пальцах, положив руки на колени. Демонстративные попытки отца подбодрить ее утешения не принесли. Зачем она согласилась на это ненавистное, каждые два года повторяющееся обследование у докторов, которое она терпеть не может? Зачем вообще согласилась приехать в Германию? Нет ответа.

Ан нет... ответ есть. Рейчел громко вздохнула, взглянула на сидящего рядом изможденного, погруженного с собственными мыслями мужчину — своего отца. Потому что он на этом настоял, потому что никогда раньше до этой поездки они так не ссорились, потому что он умолял ее, потом шантажировал и в конце концов просто приказал. Потому что, будучи приемной дочерью, другого отца она не знала. И потому что ее мама любила этого человека — по крайней мере, любила того, кем он был раньше... когда еще была жива. И во многом потому, что новый начальник Рейчел согласился отсрочить дату ее выхода на работу до двадцатого сентября.

Девушка откинулась в уютную прохладу роскошного кожаного сиденья, с трудом переводя дух. Рейчел решила, что на прощание подарит отцу свое время и будет принимать его таким, какой он есть, хотя дело всей его жизни уже вызывало у нее не просто вопросы, а мучительные сомнения.

От попыток излечить туберкулез, болезнь, убившую его жену, профессор свернул в другую сторону. Общественное неприятие его любимых исследований в области евгеники все росло, приобретало уродливые формы благодаря праведному гневу дотошных журналистов, возмнивших себя крестоносцами как дома, так и за границей. Рейчел с радостью отошла бы в сторону, когда ее отцу пришлось несладко.

Возможно, мир, который они с отцом заключили, поможет Рейчел смягчить сообщение о том, что ей предложили работу в «Кемпбелл-плейхаусе» — для начала скромную должность «девочки на побегушках». Однако, если ей удастся себя проявить, ее уже в ноябре могут перевести в Лос-Анджелес — еще один шаг к участию в радиопостановках. Такие новости не на шутку встревожат отца. Он презирал радиопостановки даже больше, чем ненавидел ее участие

в театральном университетском кружке, где они ставили современные пьесы, — профессор считал, что преподаватели и «сверстники-актеришки» оказывают дурное влияние на мышление его дочери. Рейчел обо всем расскажет отцу, как только они вернутся в Нью-Йорк. Самой ей казалось, что этот момент еще долго не настанет.

Сперва нужно было пережить медосмотр во Франкфурте и торжественный прием в Берлине — в честь ее отца и немецких ученых, совершивших прорыв в евгенике. Прием, на котором будут присутствовать Герхард и ее подруга детства Кристина. Рейчел отмахнулась от этих мыслей, словно от мухи, которая села ей на щеку. Что подразумевала Кристина под словами: «Герхард и все, о чем невозможно написать»? Что она «ужасно боится» за свою дочь, Амели? Подруга написала Рейчел впервые за пять лет.

Рейчел не спеша закинула ногу на ногу. *«Наверное, Кристина устала разыгрывать из себя милую немецкую домохозяйку. Так ей и надо за то, что предала меня!»* Рейчел прикусила губу. Подобные мысли были слишком грубыми даже для такой прямолинейной особы, как она.

Черные «мерседесы» пролетели вдоль размеренно текущего Майна и наконец плавно въехали на мощеную подъездную аллею Института наследственной биологии и расовой гигиены, раскинувшегося на берегу. Дверцу распахнул водитель — в черных сапогах, с квадратной челюстью — сама немецкая деловитость в форме СС.

Рейчел глубоко вздохнула. Опираясь на предложенную руку, она вышла из машины.

* * *

Лия Гартман вцепилась в руку мужа, пока ждала в длинном стерильном коридоре. Какое счастье, что Фридриху на три дня дали увольнительную! Она и представить не могла, как поехала бы на поезде в одиночку, особенно когда внутри у нее все сжималось от страха — все сильнее с каждым городом, мимо которого они проезжали.

Сколько Лия себя помнила, каждые два года она ездила в Институт. Деньги на обследование и требование явиться присылали из самого Института, но она не понимала, кому и зачем это нужно. Знала одно: все это имеет какое-то отношение к ее маме, которая умерла во время родов в этом Институте.

В детстве поездки сюда воспринимались Лией как длинное волнующее приключение. Даже надменные, самоуверенные врачи и их

пренебрежительное отношение не могли затмить радость от волшебной поездки так далеко от Обераммергау¹. Став подростком, Лия начала стесняться докторов, которые ее обследовали, язвительные медсестры вселяли в нее ужас — поэтому она боялась противиться и не выполнять их требований. В шестнадцать Лия храбро заявила в письме, что больше не желает приезжать в Институт, что со здоровьем у нее все в полном порядке и в дальнейших обследованиях она не видит смысла. Уже на следующей неделе у дома ее бабушки завизжали тормоза присланной из Института машины. Несмотря на протесты старушки, водитель сунул ей под нос некий договор, который бабушка якобы подписала, когда ей передавали опеку над Лией, а потом увез девочку-подростка во Франкфурт... одну. Ее на целых две недели поселили в белой, выложенной плиткой палате, в замкнутом пространстве стерильного Института. Каждый час девочку будили медсестры, ежедневно обследовали врачи — тщательно и во всевозможных местах. Больше Лия противиться не решалась.

Она заерзала на стуле. Фридрих улыбнулся жене, сжал ее руку, желая подбодрить. Лия глубоко вздохнула и откинулась назад.

Теперь, когда она вышла замуж — почти восемнадцать месяцев назад — невзирая на страх перед регулярным обследованием, Лия все же надеялась, что врачи скажут ей, почему она не может забеременеть. Не было никаких видимых причин. Они с Фридрихом хотели ребенка... много детей... Очень хотели. Лия закрыла глаза и в очередной раз молча взмолилась о милосердии Господнем, о том, чтобы Он открыл ее лоно.

Муж приобнял ее, стал поглаживать по спине, пытаясь снять напряжение. У него были сильные загрубевшие руки резчика по дереву — большие и чувствительные к нюансам древесины, еще более чувствительные к ее потребностям, эмоциям, к каждому вздоху. Как же она любила своего мужа! Как скучала по нему, когда его призвали в Первую Горную дивизию — и не важно, что солдатские бараки располагались по обе стороны от их родного Обераммергау. Как она боялась, что его отправят на одну из «операций» фюрера,

¹ Обераммергау (*нем.* Oberammergau) — деревня в Германии, в земле Бавария. С 1633 г. в ней каждые десять лет происходит известное на весь мир ежегодное театрализованное представление «Страсти Христовы». Обераммергау славится также своими резчиками по дереву. (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)